

BRANDNER, Valentina
Ukraine Witnesses Documentation Project
Russian
RG-50.575*0008

В данном интервью Валентина Федоровна Бранднер, рожденная 2 февраля 1925 года, бывшая жительница Одессы, рассказывает об увиденном и пережитом во время румынской оккупации Одессы. Она делится впечатлениями о депортации двух еврейских семей, свидетельницей которой она стала, и рассказывает о самом травматичном для нее опыте, когда она увидела расставленные вдоль дороги виселицы с весящими на них телами.

Файл 1 из 1

[01:] 00:00:00 – [01:] 00:11:25
00:00 – 12:23

[01:] 00:00:00 – [01:] 00:04:24
00:00 – 04:45

Q: В первую очередь я вас попрошу назвать себя и сказать год и место рождения.

A: Меня зовут Бранднер Валентина Федоровна, родилась я в Одессе, второго февраля 1925 года.

Q: Вы были во время оккупации в Одессе?

A: *[Перебивает.]* Да, я была во время оккупации в Одессе.

Q: Я вас попрошу тогда, если можно, что вы припомните относительно преследования евреев во время оккупации? Что вы видели сами своими глазами?

A: Я была, собственно говоря, еще – по тому развитию еще была – хотя мне было 16 лет, но я еще была ребенком. Потому что я болела долго очень, все время болела, и поэтому жили мы, когда началась война сразу же, жили мы на 11-ой станции Фонтана (Полное название 11-ая станция Большого Фонтана) вместе с родственниками, с матерью я там была на даче. И вот прошло уже наверное дней десять, и нужно было поехать в город. В городе жили мы на Колонтаевской *[улице]*, 45. Это район Молдаванки, начала Молдаванки. И вот когда мы приехали туда, в это время две еврейские семьи, которые жили возле нашего—нашей квартиры, справа и слева, начали собирать вещи. Пришел какой-то румын, но во всяком случае это был солдат. Солдат, видно, с помощниками—и вот в одной еврейской семье, которая была немногочисленна, был ребенок, мать, значит, и бабушка. В это время—она видно была оптимисткой, и, кроме того, как-то видно

не слушала этих разговоров, которые по всему городу распространяются, о том, что «евреев куда-то гонят». Я еще бросилась к ней и говорю: «Тетя Фаня, ну что вы, куда же вы уезжаете, маленький же ребенок – он еще в колясочке был. Она говорит: «Ну что ты, деточка, не беспокойся, мы как-то проживем; уедем, а потом опять вернемся в свою квартиру». А в другой семье, которая с левой стороны жила, там была очень большая семья, очень большая. Там были и дед, и бабушка, родители, сыновья были—двое сыновей—дочка была, дети маленькие, там я услышала вдруг крик, плач, и такой истерический плач, не просто плач, а истерический плач. Я тоже зашла туда – мы же соседи, соседи к нам очень хорошо относились – я зашла туда и увидела, что семья начинает что-то собирать, начинаются крики, начинаются вопли, потом истерические вопли, не просто—«Ой куда нас гонят, и что с нами будет!» А я спрашиваю: «А что же такое?» «Да нас—нас гонят куда-то всех евреев в гетто.» Вот впервые я, собственно говоря, тогда и узнала, что евреев куда-то сгоняют, на какое-то.

[Интервью прерывается из-за голоса ребенка на заднем плане.]

[01:] 00:04:25 – [01:] 00:06:05

04:46 – 07:00

А: С другой стороны, там, где мы жили, находилась большая еврейская семья. Семью эту я хорошо знала, потому что я была ребенком, я без конца бегала туда, играла с детьми их, и так далее. Так что для меня это было—но я услышала оттуда страшный крик, вопли, вот действительно эти как истерические вопли, не просто вопли, а истерические вопли. В основном женщин, потому что женщин было много в квартире—в семье. Они кричали: «Что же там будет! **О вэй вэй!** И что же с нами будет? И что же с нами будет?» Все время мать повторяла одно и то же, потому что у нее было много детей, у нее было трое детей. И когда—я конечно заинтересовалась, как ребенок, пошла к ним, потому что это были соседи наши, с которыми я играла, с детьми. Я говорю: «Что случилось?» «А нас отсюда выгоняют,» – она говорит, «нас направляют в так называемое «гетто», где мы будем жить только евреи. Что с нами будет там? У меня же маленькие дети! И как мы будем кормить? Что это будет?» Крики были страшные, и даже один из румынских солдат, даже так это подошел и ее прикладом ружья так легко, правда не сильно, но толкнул, во всяком случае. Но женщина все равно продолжала кричать. Вот с этим криком, этим ужасом—потому что я еще не понимала, что это, и как это, и почему это вдруг случилось. Почему вдруг наших соседей, с которыми я дружила в детстве, к которым бегала—в месте с играми—вдруг куда-то угоняют, и что это такое за «гетто». Потом я уже у родителей начала спрашивать, что такое «гетто», потому что это было совершенно незнакомое для меня слово. Вот так.

[01:] 00:06:06 – [01:] 00:09:24

07:01 – 09:55

Q: Вы видели вот их уход из квартиры?

A: Да, их уход из квартиры.

Q: А потом ничего не наблюдали? На улице.

A: Потом я ничего не знаю. Единственное, что уже после войны мы не жили в Одессе—после войны, это был уже какой-то не знаю год—а вернулись мы—я с мамой вернулась в 1954 году. И вот в 1954 году соседка—я встретила—пришла к нам и говорит: «Вы знаете что, эта Фаня вернулась, с маленьким ребенком, вот ей повезло. А тех соседей, где был крик и была большая семья, те так и не вернулись. А Фаня вернулась. Вернулась, и вернулась в свою квартиру. Вот, это в отношении. Затем, когда вещи были собраны наши, мы двинулись опять-таки пешком на [станцию] Фонтан, где мы жили во время войны. Война еще, собственно говоря, шла вокруг Одессы—это было приблизительно начало уже сентября, значит уже похолодание шло, и вот я.

Q: Какого года сентября?

A: 1941—Война же началась в июне. В сорок первом году. И вот я шла с оцом, пешком конечно, и вот на седьмой станции (7-я станция Большого Фонтана)—что меня не то что поразило, а залегло у меня глубоко, тронуло меня, потому что я девченка была, страшно я переживала: «Папа, ну что ж такое, что такое?» – я спрашиваю. Мы увидели виселицы, притом виселиц было много, сколько – я не считала конечно – ребенок не может считать. Виселиц было много, и на этих виселицах висели женщины—не только женщины, но и мужчины были там, но виселиц семь-восемь было так вот приблизительно. Седьмая станция, значит, вдоль дороги виселицы эти. Ну кто-то—правда кто-то сказал, что это ну так, предположительно, кого же вешают? Предположительно, это женщины-еврейки. Молодая была женщина – помню, как сейчас, и старуха висела тоже самое. Их повесили там. Это на меня произвело очень большое впечатление, и я вот до сих пор с чувством таким, ужасным чувством вспоминаю этот эпизод.

[01:] 00:09:25 – [01:] 00:11:25

09:56 – 12:22

Q: Вы сами не подходили близко, или подходили?

A: Мы проходили мимо. Я не рассматривала.

Q: Вы какие-нибудь знаки отличительные видели на этих людях? Или какая-нибудь специфическая одежда. Т акого ничего не было?

A: Нет, нет, на них не было, они были просто в своей одежде—нет не было специфической. Они ходили так, как все ходили тогда на Украине и в России.

Q: Понятно, и последний вопрос. Это были именно виселицы.

A: Это виселицы были.

Q: Построенные специально для этого?

A: Да, построенные, это не были телефонные, эти самые, столбы, нет, это были виселицы. Помню белая.

Q: Кроме вас там проходили другие люди тоже?

A: Ну конечно, потому что трамваи же не ходили.

Q: Вы не слышали реакцию на что-нибудь, как люди реагировали глядя на это все?

A: Люди чаще всего отворачивались, потому что смотреть на этих повешенных было очень тяжело. Некоторые плакали, но это знаете... как, у кого какая, кто воспринимает как. Но во всяком случае люди проходили и отворачивались, потому что тяжело конечно смотреть на повешенных, особенно если на повешенных женщин. И девушки были там тоже повешены.

Q: Понятно. Что-нибудь еще вы можете припомнить?

A: Нет. Просто почему нет, потому что мы уехали опять-таки на Фонтан, и были там совершенно изолированно от всех ужасов, которые творились в городе. Вот. Просто изолированы. А вернулись мы уже конечно когда стало совсем холодно, и нужно было уезжать с дачи, нужно было возвращаться домой. Но две семьи, как говорится, близкие мне, с детства с ними играла, я уже не видела их. Больше они—так исчезли—и все. Но видно все-таки одно из семейств—семья—сохранилась, раз вернулась эта тетя Фаня.

Q: Спасибо, понятно.

A: Пожалуйста.

Q: Спасибо вам большое, и извините за причиненное неудобство и беспокойство.

A: Нет, нет, ничего. Это все поправимо. Лишь бы, как говорится, это принесло бы какие-то плоды, вот, результат.

Q: Положительный.

A: Положительный результат.

Q: Я понимаю, конечно. Хотелось бы думать. Спасибо.

A: Досв. Спасибо, спасибо вам также.

[01:] 00:11:25
12:22
Конец интервью

RG-50.575*0008

07/27/2005

PAGE * MERGEFORMAT 3